

Р. С. КАБИСОВ

λόγος ГЕРАКЛИТА И НАУКА ЛОГИКИ

Принимается за установленное, что наука логики именно как наука о формах и законах правильного, последовательного мышления генетически восходит к гераклитовскому логосу. Нам же представляется, что если гераклитовский λόγος действительно имел какое-то отношение к понятию «логика», то в последней по необходимости должна была мыслиться прежде всего и главным образом логика именно онтологическая, то, что мы сегодня подразумеваем под «логикой вещей». Что касается логики как науки о формах и законах мышления, то таковое могло там мыслиться или на таковое оно могло распространяться только в переносном значении. А если иметь в виду еще и то обстоятельство, что на сегодня логики исчисляются уже десятками (и со временем, надо полагать, число их будет расти, а не сокращаться), то есть все основания полагать, что все эти логики составляют видовые разновидности какой-то более общей (родовой) логики. И в этом отношении от гераклитовского логоса легче перебросить мост к этой неизвестной еще родовой логике, чем к логикам видовых ее разновидностей, в том числе и к традиционной формальной логике.

Доказательству этих мыслей и посвящаются данные строки, автор которых не претендует на окончательное решение проблем, а довольствуется здесь одной их постановкой.

* * *

Итак, на сегодня нам известны такие логики, как формальная, диалектическая, математическая, комбинаторная, конструктивная, вероятная, модальная и т. д. А между тем, с нашей точки зрения, весьма законно ставит вопрос известный грузинский философ С. Б. Церетели о том, что «признание двух логик (он признает только формальную и диалектическую логики. – Р. К.) яв-

ляется логической ошибкой, так как для объединения двух логик потребуется третья и т. д.»¹.

Естественно, что требование это становится еще более законным и актуальным при допущении большего их количества.

Какой же выход? Думается, только такой: либо, кроме одной, все остальные логики признать не логиками, либо же поставить их в отношении родовидовой субординации. Но из этих возможностей первая, видимо, отпадает, как несостоятельная, так как все эти логики имеют реальное основание для своего существования. И тогда остается вторая, в пользу которой говорит и то обстоятельство, что все известные нам логики, как правило, встречаются с такими определительными прилагательными, которые указывают на то, что они, должно быть, составляют виды какого-то более общего, родового понятия «**логики**». Но в этом случае встает вопрос о том, какое именно понятие логики может занять место родового понятия, относительно которого все остальные логики составили бы видовые я его разновидности? Видимо, то, в котором в наиболее общей форме аккумулируются наиболее признаки феномена логического. А здесь трудность, состоящая в том, что же следует понимать под логикой. Вопрос этот встает в связи с тем, что в жизни «логика» встречается в трех значениях: а) в значении совокупности наук о законах и формах мышления; б) в значении правильного сочетания мыслей и рассуждений (когда говорят: «у него железная логика», или «в его рассуждении нет логики»); в) и, наконец, в значении выражения закономерных связей и отношений в развитии вещей и явлений самого материального мира (что называют «логикой вещей», «логикой революционного процесса» и т. д.). А между тем почему-то считается, что логика имеет отношение только к мысли. Что же касается третьего ее значения, то оно здесь якобы носит «чисто условный» характер именно потому, что «в самих вещах нет речи, мысли, разума»².

Однако такое утверждение нам представляется по меньшей мере спорным по следующим соображениям.

1Щертели С. Б. Диалектическая логика. Тбилиси, 1971. С. 21.

2Логический словарь. М., 1971. С. 250.

Во-первых, потому, что правомерность такого утверждения обосновывается ссылкой на генетическое происхождение термина «логика», который восходит к древнегреческому слову «логос», означавший, мол, **слово, мысль, речь, разум**; и на историческое употребление «логики» именно в значении науки о формах и способах мышления.

Но думается, что первый из этих доводов строится на ложном основании логической ошибки (*petitio principii*), поскольку здесь необходимо еще доказать, что *λόγος* в своем происхождении действительно означал **только** слово, речь, мысль, разум, и **только это**. А между тем известно, что логос впервые в научный оборот был введен Гераклитом, и философское наследие его свидетельствует о том, что этот термин употреблялся мыслителем не столько в значении **слово, речь, мысль, разум**, сколько в том **третьем значении** логики («логика вещей»), которое в прямом смысле за ним отрицается. Так, известно, что логос означал не только **слово, речь, мысль, разум, рассуждение**, но и **закон**. И специалисты по Гераклиту, как отечественные, так и зарубежные, в абсолютном большинстве своем единодушны в том, что *λόγος* у него представляет собою полагаемое им в мире некоей **всеобщей, вечной закономерной необходимости** как основа и предпосылка его существования, причина и действенная сила происходящих в нем процессов; что это **нечто**, что определяет миропорядок, управляет им изнутри, обуславливая и вызывая все в нем происходящее³. Аутентичность такого толкования гераклитовского логоса доказывается и **мотивами**, вызвавшими это понятие у автора, и связями, отношениями и закономерностями, которые хотел выразить через это понятие мыслитель.

К мотивам, вызвавшим логос у Гераклита, относился, прежде всего, интерес греческой мысли гераклитовского окружения к проблеме мироздания и миропорядка. Оказавшись проблемой общечеловеческого масштаба, а об этом свидетельствует философское наследие мыслителей всех стран и народов, она соста-

³Так считали в прошлом Симплиций, Аэний, Плугарх, Аристотель, Диоген Лаэртий Гегель, Церетели, Целлер, Гампери и др., и так считают О. Маковельский, М. А. Дынник, В. Ф. Асмус, Ф. Х. Кессиди и др.

вила эпицентр философских рассуждений и греческих мыслителей как до Гераклита, так и после него. И как раз один из вариантов решения этой проблемы составил гераклитовский логос. А что дело обстояло именно так, видно из совокупности тех связей, отношений и закономерностей, воплощением которых выступает логос у Гераклита.

И в самом деле, внимательное чтение гераклитовских текстов убеждает в том, что автор пользуется термином «логос» там и постольку, где и поскольку он намеревается рассуждать о сущности, причинах и предпосылках мироздания и миропорядка. А что именно эти вопросы составили ось всех гераклитовских рассуждений, видно как из сохранившихся от него самого текстов, так и древних свидетельств о нем. Для примера можем сослаться на фрагменты 30, 31, 50 и т. д., в которых прямо выражается интерес автора именно к проблеме мироздания и миропорядка (хотя этот интерес красной нитью проходит и через все остальные его фрагменты). Так, во втором из отмеченных фрагментов говорится, что «огонь посредством всеуправляющего (логоса) и бога через воздух превращается в воду – **как бы семя миробразования**», и так же обратно «море мерами разлагается **по тому же логосу**, какой и прежде был до возникновения земли»⁴.

О том, что логос Гераклитом употребляется в значении универсального закона сущего, говорит, во-вторых, то, что термин «логос» в сохранившихся от Гераклита текстах встречается десять раз, и в каждом из них он содержит нагрузку значения закона миропорядка, не говоря уже о том, что в ряде из них он (логос) фигурирует исключительно в этом значении. Например, первый его фрагмент гласит, что «этот логос существует вечно» и что «**все совершается по этому логосу**» (выделено мной. – *Р. К.*) то же самое и во фрагментах 12, 31 и др.⁵

Следовательно, нет сомнений в том, что логос у Гераклита действительно выступал в значении всеобщего закона мироздания и миропорядка.

⁴Античные философы (тексты). М, 1935. С. 6, 7.

⁵Там же. С. 5, 6.

Каковы же его атрибуты у Гераклита? Носителем каких признаков, черт, функций он выступает? И является ли он имманентно присущим самому миру законом, или он составляет некую внешнюю, по отношению к своему творению силу?

К атрибутивным признакам – функциям логоса следует отнести: **всеобщность, вечность, бесконечность, возможность, необходимость, причинную обусловленность, диалектичность, гармоничность, целесообразность, разумность**. И хотя все эти признаки в текстах Гераклита существенно перекрывают друг друга, нередко выступая в качестве идентичных, тем не менее в известном смысле они там фигурируют и в относительно самостоятельном значении, и поэтому есть необходимость в индивидуальной их характеристике.

Всеобщность. Всеобщность логоса как закона мироздания и миропорядка у Гераклита самостоятельно подчеркивается уже в первых двух фрагментах в словах: «Ведь **все** совершается по этому логосу» (фр. 1), «... хотя логос **всеобщ...**» (фр. 2), (выделено мной. — *Р. К.*)

Вечность. Вечность логоса подчеркивается Гераклитом еще раньше, поскольку его первый фрагмент так и начинается: «Хотя этот логос существует **вечно...**» И о том же у него говорится и во фрагментах 30, 31, 45, 50, 72 и т. д.

С вечностью логоса у Гераклита органически переплетается и его **бесконечность** в пространстве и во времени. Правда, если относительно его бесконечности во времени во фрагментах мы находим прямое утверждение самого автора, то этого нет относительно пространственной его бесконечности в них. Однако внутренний смысл, внутренний дух всего учения Гераклита и фрагмент 45, в частности, в котором он пишет: «По какому бы пути ты ни шел, границ Психеи ты не найдешь: столь глубок ее логос», дают в полной мере основание утверждать, что для великого эфесца он (логос) сколь вечен во времени, столь же бесконечен и в пространстве.

Признак необходимости. Необходимость составляет один из центральных атрибутов логоса Гераклита именно как закона Вселенной, закона, который вызывает, обуславливает и управ-

ляет всем и всегда, что только существует и может существовать. Все совершаемое в мире совершается по необходимости. Саму же необходимость Гераклит мыслит как такое **следование** событий, явлений, процессов, которые в сложившейся ситуации совершаются и могут совершиться только так и никак иначе. Необходимость – это процесс **вызывания**, носящий обязательно неизбежный характер; это определение такого процесса, в котором вызывание следствия совершается закономерно, неизбежно. Поэтому **необходимость в процессуальном** своем выражении есть отражение или выражение закономерного следования каждого последующего **звена, ступени, элемента, момента** из предыдущего в процессе становления становящегося и гибели разрушающегося.

В применении к **структурности** необходимость означает закономерную неизбежную форму или способ сочетания составляющих данное материальное или духовное образование частей, элементов.

Но если необходимость действительно содержит в себе отмеченные тут особенности (признаки), то не трудно заметить ее родство с тем, что мы называем ныне **логикой развития вещей**, явлений, процессов, вообще логикой становления и разрушения. И это в значительной мере подтверждается и остальными атрибутами гераклитовского логоса.

Так, по нашему перечислению, следующим атрибутом логоса идет **причинность**, хотя в сохранившихся его текстах мы не находим прямой постановки и решения вопроса об отношении необходимости к причинно-следственной зависимости, тем не менее есть все основания утверждать, что его необходимость идентична причинно-следственной зависимости. Основание для такого заключения дает хотя бы то, что для греческого мышления того времени была бы само собою разумеющейся недопустимость существования беспричинных явлений, что с абсолютной точностью было сформулировано Левкиппом в словах: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все (проявляется) на

каком-нибудь основании (причине. – *P. K.*) и в силу необходимости»⁶.

Именно такое соотношение понятий необходимости и причинно-следственной зависимости все плотнее вживалось и вписывалось в греческий образ мышления; правда, в разном понимании самой причинности, которая не только у идеалистов (пифагорейцы, Сократ, Платон и др.), но и у материалистов (по крайней мере у некоторых), нередко сводилась в конечном счете к «верховному божественному разуму», божественной воле.

Однако нельзя не заметить, что такая ссылка на божественный разум у материалистов, как правило, чаще носила чисто номинальный характер. В том же случае, когда они ее (причину) сводили к божественному разуму не номинально, а по существу, старались ограничить ее роль ролью первопричины.

Самое же главное состоит в том, что одна ссылка на разум в греческой философии не дает еще основания зачислять ее автора в группу идеалистически настроенных мыслителей, поскольку в раннегреческой философии нет еще принципиального противопоставления духовного материальному. Поэтому у многих греческих мыслителей-материалистов разумность по существу идентифицировалась с целесообразностью, а целесообразность не только тогда, но и сегодня может мыслиться и материалистически и идеалистически. Так, допустим, у Анаксагора причиной гармонического устройства Вселенной и деятельной силой в ней выступает именно разум, ум. Но это нисколько не помешало его противникам – адептам церкви – предъявить ему обвинение в атеизме и предать его суду.

Так обстоит дело и с Гераклитом, когда он говорит, что «мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего» (фр. 41).

И здесь, если исходить не из буквы, а из духа всего учения Гераклита, нетрудно понять, что в данном его разуме по существу мы имеем дело не с провозглашением разума духовно-идеальной первоосновой и сущностью миропорядка, а с предположением автора в мире некоего универсального, естественного

⁶Аэций. 125. 4. Д. 321.

закона или **закономерности**, от которого зависят как сам мир в целом, так и в нем происходящее. Разумен же он или она (закон или закономерность) у самого Гераклита ни в каком ином смысле, кроме как в том, что, спустя несколько столетий, Диадор сформулирует в словах: «Только то может осуществиться, что либо уже истинно, либо будет истинным... Ничего не осуществляется иначе, как в силу необходимости»⁷; а спустя два с лишним тысячелетия Гегель выразит его в известном своем положении: «Все действительное разумно, все разумное действительно».

Если бы сам Гераклит дошел до подобной формулировки своей мысли относительно разумности в основе мироздания лежащего закона, то она для него означала бы не что иное, как **законность** закономерно возникающего; такое закономерно возникающее, которое именно благодаря этой законности своей и через нее приобретает черты целесообразности и разумности и в смысле вызывания, порождения **наиболее законного** и в смысле проявления стремления любого развивающегося (движущегося) **к наиболее совершенной форме самовыражения**; и в смысле выражения ситуации, в которой условия с **необходимостью влекут обуславливаемое**, вызываемое. Следовательно, лежащий в основе мироздания основной закон разумен в том отношении, в том смысле, что только он обеспечивает тот процесс, который господствует в мире и согласно которому вызываемое, во-первых, вызывается абсолютно неизбежно и необходимо; во-вторых, в вызывании вызывается именно данное нечто, а не что-либо другое. В итоге происходящее в мире составляет движение сущего к наиболее законному в данной ситуации и в этом смысле и к наиболее возможному, необходимому и целесообразному.

Законность такой интерпретации характеризуемого фрагмента Гераклита доказывается существом всех сохранившихся от него текстов, в частности, его мыслями относительно целесообразности.

Понятие целесообразности генетически связано с целеполаганием, существенными элементами (моментами) которого яв-

⁷Аристотель. Метафизика. Соцгиз, 1934, XI, 3, 1046, в. 29.

ляются: преднамеренная, осознанная постановка цели и сознательное стремление (деятельность) к ее осуществлению. Поскольку в жизни с такого рода феноменом мы сталкиваемся именно в человеческой деятельности, то она идентифицируется с ней. Именно это обстоятельство и породило телеологию, в том числе древнегреческую. Но весьма важно подчеркнуть, что хотя в связи с тем, что греческие мыслители (в том числе и материалисты) не смогли полностью преодолеть мифологический образ мышления и потому принцип антропоморфического понимания телеологии в существенной мере был присущ всем им, тем не менее внутри древнегреческой телеологии наряду с теолого-идеалистическим пониманием ее в значительной степени прозревают и элементы и моменты механико-материалистического ее толкования. Суть первого сводится к допущению божественной сознательной, преднамеренно-целенаправленной деятельности как основы и конечной причины всего происходящего в мире; суть же второго сводится к не вполне осознанному и осмысленному предположению в мире (в происходящих в нем процессах) стремления к наиболее совершенному в данной ситуации варианту самовыражения; к допущению в мире такой закономерности, по которой все в нем существующее подчинено целесообразности, но целесообразности не в смысле стремления⁸ к преднамеренно поставленной цели, а в смысле наличия тенденции изменяться в направлении наиболее **вероятной** в данной ситуации возможности бытования. В этом смысле целесообразность тесно переплетается с понятием необходимости, является ее инвариантом, так как и целесообразность является показателем процесса оптимального приспособления предмета к среде его бытования⁹.

⁸Стремление – сознательное в общественной жизни и бессознательное во всем остальном мире, хотя и в общественной жизни немало совершается без воли и сознания людей.

⁹Сказанное, конечно, можно считать некоторой модернизацией, под современность мыслей греческих мыслителей, поскольку, во-первых, как мы отмечали, они не полностью преодолели мифологический образ мышления и потому в целесообразности у них в значительной мере содержится момент антропоморфизма; во-вторых, они и во всем остальном, значит, не так ясно себе все это представляли. Но то, что они предугадывали существование нечто подобного в мире, в этом нет сомнений. Свидетельство этому — особое подчеркивание необходимости.

Из текстов самого Гераклита это относительно лучше видно во фрагментах 30, 94, 124, в которых он писал: «Солнце не перейдет своей меры, иначе его бы настигли Эринии, помощницы Правды» (фр. 94) и «Прекраснейший космос (был бы) как куча сору, насыпанная как попало» (фр. 124).

Сказанное в существенной мере подтверждается и мыслями Гераклита относительно гармоничности и диалектичности логоса.

Так, отмечая всеобщность движения, которому подчинено сущее, Гераклит рассматривает его как диалектическое развитие. А именно, по Гераклиту, все происходит по необходимости из «противоположного обмена». Его необходимость – это логос, создающий сущее из «противоположного движения». При этом весьма важно, что Гераклит, говоря о противоречивой сущности движения, акцентирует внимание именно на внутренне противоречивом потоке, где развитие заключается прежде всего во взаимопереходе противоположностей. «Холодное теплеет, теплое холодеет, влажное высыхает, сухое увлажняется» и «все есть обмен противоположностей» (см. фр. 126 и др. фр.).

Существенно и то, что в понимании противоположностей Гераклит вплотную подходит к проблеме единства противоположностей. В его текстах отмечается, что противоположности, обмениваясь друг на друга, становятся друг другу тождественными. «Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это» (фр. 88; см. и фр. 59, 60, 62 и др.).

Значительным элементом гераклитовского понимания взаимоотношений противоположностей является и то, что отмеченное их тождество не исключает, а предполагает борьбу между ними, в результате чего все взаимоотношения противоположностей как в природе, так и в обществе, определяются борьбой и через борьбу. «...Все происходит через борьбу», – сказано в 8-м его фрагменте.

Из сказанного видно, что борьбу противоположностей Гераклит считает движущей силой всякого изменения и развития,

специально подчеркивая, что «все происходит через борьбу и по необходимости» (фр. 80).

Отсюда нетрудно представить себе, что поскольку для Гераклита, как мы показали выше, всеобщим, универсальным законом миропорядка выступает и логос, то надо полагать, что они (логос и диалектический закон единства противоположностей) у него если не полностью, то хотя бы в существенной мере перекрывают друг друга и тем самым как бы составляют две ипостаси одного и того же.

Атрибутом гераклитовского логоса выступает и функция гармоничности. В текстах Гераклита непосредственно это обстоятельство подчеркивается во фрагментах 8, 51, 54, но имплицитно оно содержится и во многих его других фрагментах, в частности: в 30, 56, 59, 60, 62, 88 и др. Так, в первом из отмеченных фрагментов сказано: «Враждующееся – соединяется, из расходящихся – прекраснейшая и гармония, и все происходит через борьбу» (фр. 8); а во фрагменте 54 говорится: «Скрытая гармония лучше явной».

Какое же можно сделать отсюда заключение?

Во-первых, такое, что гармоничность Вселенной у Гераклита органически связана с диалектическим его учением о единстве и борьбе противоположностей;

во-вторых, гармония образуется у него из взаимоотношений не подобных (вещей), а различных, точнее, противоборствующих;

в-третьих, суть гармонии Гераклит мыслит во взаимопротивоборствующем совпадении противоположностей.

Так в основном выглядят те наиболее показательные признаки, свойства и функции, которые определяют существо и содержание гераклитовского логоса. Но поскольку, с одной стороны, все эти признаки, свойства и функции (пусть одни из них в большей, другие – в меньшей мере, но в целом все) содержат в себе субстанциональную нагрузку и, с другой стороны, сам огонь у Гераклита не столько составляет субстанциональную основу мироздания, сколько чувственно-наглядное выражение авторского представления о внутреннем механизме миропорядка

ка, то естественно напрашивается вопрос о соотношении **огня** и **логоса** в его философии.

По сохранившимся от Гераклита текстам, да и по свидетельствам последующих доксографов, трудно установить, ставил ли сам эфесец вопрос именно в данной плоскости, но то, что они у него во многом идентифицируются, видно вполне. Это видно хотя бы из того, что часто он, по сути дела, объясняя одно и то же, в одном случае объясняет его через огонь, в другом – через логос. И в итоге в этих случаях замена слова «логос» словом «огонь» и обратно существенно не меняет ни ход мыслей автора, ни существо текста. Единственный нюанс различия, который может быть замечен в этих случаях, может сводиться к тому, что при слове «огонь» он больше акцентирует внимание на субстратной стороне дела, при слове «логос» – на функционально-процессуальную. В результате, видимо, можно утверждать, что у Гераклита огонь составляет субстратную основу логоса, а логос – процессуально-функциональную сущность огня.

В то же время, поскольку Гераклит относится к тому классу греческих мыслителей, которые деятельную силу, причину, фактор в мироздании и миропорядке искали не вне самого этого мира, а в нем самом, как имманентно ему присущем, а отсюда, следовательно, она (эта деятельная сила, причина, фактор) существует единственно в своем творении и через свое творение, то логос в известном смысле есть и субстрат мира. Это, видимо, все, что можно было бы сказать о гераклитовском логосе в интересующем нас здесь плане на современном уровне его исследования.

Все сказанное приводит к таким выводам:

1. Исследование и причин, и предпосылок, которые вызвали к жизни гераклитовский логос, и содержания, которое он вкладывал в это понятие, и того, что он хотел выразить им в совокупности, в полной мере убеждают в том, что он был вызван к жизни запросами и потребностями разрешения проблемы миропорядка, это и определило его содержание, место и значение в системе философии эфесского мыслителя.

2. Если это так, то отсюда следует (и это и подтверждает обстоятельный анализ текстов самого Гераклита), что хотя гераклитовский логос в какой-то мере мог носить в себе все те нагрузки, которые означало это слово в древнегреческом языке, у самого автора оно должно было означать и означало **прежде всего прямо и главным образом всеобщий, универсальный закон или закономерность мироздания и миропорядка**. Что же касается всех остальных его значений, то на них, по Гераклиту, он мог уже распространяться только в переносном значении.

3. Характернейшие особенности гераклитовского понимания логоса как универсального закона миропорядка составляют свершение и совершение всего по требованиям закономерной необходимости. Свершение же всего совершающегося по требованиям закономерной необходимости направляет движение по пути стремления к наиболее вероятному варианту бытования. А это, в свою очередь, придает процессу характер целесообразности и черту гармоничности.

4. Поскольку все сказанное по существу равнозначно следованию каждого последующего **звена, ступени, элемента, момента, этапа** из предыдущего по закономерной необходимости, а это, в свою очередь, равнозначно тому, что мы сегодня называем «логикой вещей», то есть все основания считать, что если гераклитовский логос действительно имел отношение к понятию «логика», то только в значении именно объективной, а не субъективной логики, в значении логики бытия, а не логики мышления.

Весьма показательны в этом отношении и следующие два обстоятельства: во-первых, из двух корифеев мысли (Аристотель и Гегель) тот, который занимался больше всех вопросами ныне именуемой формальной логики, ни одно свое произведение в отдельности, ни в целом свое учение не назвал логикой. Вторым же, наоборот, назвав главное свое произведение «Наукой логики», меньше всего в нем исследует вопросы формальной логики и больше всего занят анализом именно вопросов логики бытия.

И только это и создает возможности для материалистического его (Гегеля) чтения.

Есть, таким образом, все основания утверждать, что на греческой почве в логосе античные авторы мыслили (хотя они все это полностью, может, и не осознавали) свое представление о **факторе** (будь то законом, способом, средством, сутью) существования всего сущего. Но, зародившись, логос-логика первоначально как учение именно о законе бытия, он впоследствии перетрансформировался в учение о мышлении. И в процессе такой эволюции сложились следующие возможные концепции ее (логики) толкования: 1) онтологическая, 2) гносеологическая и 3) различные варианты совмещения того и другого. Это обстоятельство, в свою очередь, послужило благодатной почвой для зарождения того множества логик, которые сегодня исчисляются десятками.

В срезе нашей постановки вопроса весьма симптоматичным оказывается и то обстоятельство, что, хотя термин «логика» уже в античном мире, в особенности у стоиков, приобрел право гражданства, он в роли науки о формах и способах мышления приживался весьма и весьма трудно. Достаточно сказать, что понадобилось примерно шестнадцать столетий (до XIII в.), прежде чем это понятие стало упрочиваться в данном значении, а еще четыре столетия (до XVII в.), чтобы он утвердился окончательно¹⁰. Если бы генетическое родство логики с логосом было столь очевидным, как оно преподносится, то едва ли оно бы так трудно приживалось. По сути же дела все сказанное выше дает основание утверждать, что понятие логики с логосом имеет не однотипную **генетическую связь**, а двухтипную: 1) номинально-генетическую и 2) предметно-сущностную, из коих первая вела к логике мышления, вторая – к логике бытия. И в этой связи допустимо, что в срезе номинально-генетической логика восходит к логосу в значении слово, речь, мысль, разум, а в срезе сущностно-онтологической – к закономерной необходимости. А если в последующей истории обстоятельства складываются так, что из этих двух логик более благоприятные условия для разра-

¹⁰Ахманов А. С. Вопросы логики: Сборник. М, 1955. С. 34.

ботки создаются для первой, а не второй, то, это никак не может служить мотивом отказа от второй. Таковое недопустимо хотя бы по следующим мотивам. Во-первых, потому, что определяющим центральным феноменом логики как таковой должна быть признана именно **логичность** в смысле существования любого сущего (и происходящих в нем процессов) **по внутренней закономерной необходимости**, и так именно и понималась логичность и Аристотелем, и Гегелем, и Марксом, и Энгельсом, и Лениным. И мыслимо ли таковую отрицать за материальной действительностью? Видимо, нет, поскольку окружающая нас действительность составляет не хаотическое скопление чего с чем попало: вещей, явлений, процессов, а различного уровня структурные образования, которые находятся и внутри себя и между собою в сложнейших структурно-функциональных взаимоотношениях, и потому весьма важно знать, хотя бы в доступных нам возможностях, ту закономерную необходимость, которая составляет основу, фундамент и суть этих образований, способ их существования и происходящих в них процессов.

Игнорирование логики за бытием недопустимо, во-вторых, потому, что при таком отрицании у нас получается логическая несуразность в нашем законном утверждении о том, что субъективная логика есть отражение объективной логики, и потому первая должна приспособляться ко второй, а не наоборот, поскольку нелогично требовать от нечто существующего, чтобы оно соответствовало чему-то несуществующему. Наконец, ведь определяющим мерилom логичности или алогичности мысли в конечном счете выступает именно ее соответствие действительности.

Неправомерно отрицание онтологической логики и в том отношении, что в таком случае, чем бы ни руководствовались, мы вольно или невольно льем воду в мельницу идеализма. Это делать недопустимо и потому, что мысль, как правило, склонна витать в облаках, создавая нередко беспочвенные мысленные химеры, и потому совершенно законно требование известного английского философа Ф. Бэкона о том, что «к мысли следует призывать не крылья, а гири и тяжести, чтобы сдерживать полет

ее». Совершенно естественно, что поскольку в сфере логики без приспособления логики мышления к логике бытия мы просто лишаемся подобного «груза», то невозможна и его реализация при отрицании последней.

Важно, наконец, и то обстоятельство, что наличие онтологической логики (логика вещей) в прямом, а не в переносном значении, не только не отрицалось классиками марксизма-ленинизма, а, напротив, всегда подчеркивалось со всей категоричностью, широко используя ее в качестве неопровержимого довода в борьбе со своими идейными противниками всех мастей. Так, например, Маркс относительно заблуждений Лассаля насчет того, что якобы оказываемую прусским правительством помощь организовавшимся в Германии в эпоху Бисмарка кооперативам следует расценивать как социалистическое вмешательство, писал: «Нет никакого сомнения, что разочарование в злосчастном заблуждении Лассаля относительно «социалистического» вмешательства прусского правительства непременно наступит. Логика вещей сделает свое»¹¹ (выделено мной. – *Р. К.*).

В. И. Ленин также постоянно подчеркивал приоритет логики жизни над логикой мысли. «Логика жизни сильнее конституционных учебников»¹², – писал он, в частности, относительно причин роспуска Думы в 1906 г.

Характеризуя тактику меньшевиков, Ленин писал: «Намерения остались намерениями, слова остались словами, а на деле вышло так, **что диктовалось неумолимой логикой объективной политической ситуации**»¹³ (выделено мной. – *Р. К.*).

Наконец, в связи с критикой богдановского тождества общественного бытия и общественного сознания Владимир Ильич в «Материализме и эмпириокритицизме» писал, что надо в общих и основных чертах охватить... объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно и критически приспособить к ней свое общественное сознание»¹⁴.

¹¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. С. 64.

¹²Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 13. С. 308.

¹³Там же. Т. 12. С. 279.

¹⁴Там же. Т. 18. С. 345.

Еще более настойчиво идею необходимости приспособления логики мышления логике бытия Владимир Ильич проводит в своих «Философских тетрадах», где, в частности, по поводу истинного значения логики Гегеля он писал: «... уже самое простое **обобщение**, первое и простейшее образование **понятий** (суждений, заключений) означает познание человека все более и более глубокой **объективной** связи мира. Здесь надо искать истинного смысла, значения и роли гегелевской логики. Это NB»¹⁵.

«...Логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа»¹⁶, – писал он там же. Или: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», то есть развития всего конкретного содержания мира и познания его»¹⁷.

Думается, все сказанное довольно основательно расшатывает утверждение, согласно которому понятие «логика» к самой материальной действительности применимо не в прямом, а в переносном значении именно ввиду отсутствия там речи, мысли, разума.

Но так как само наличие такого убеждения в известной мере вызывается не отработанностью того, что следует понимать под логикой, то этим самым мы подведены к необходимости остановиться непосредственно на этом вопросе.

Видимо, за исходное здесь можно взять положение: логика есть наука о **логическом**. Такое определение логики, правда, страдает ошибкой тавтологичное но имеет одно такое достоинство, что заостряет мысль на том, что составляет центральный, определяющий феномен логики, и в определении этого феномена снимается и ее тавтологичное А что именно логичность составляет основной феномен понятия логики, нас убеждает то обстоятельство, что отсутствие признака логичности просто лишает понятое логики именно логического основания именоваться (считаться) логикой. Поэтому **логичность** должна быть при-

15Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965. С. 153.

16Там же. С. 152.

17Там же. С. 66.

знана тем всеобщим, необходимым и существенным признаком, без которого нет логики как логики.

Что же такое логичность? Каковы ее атрибуты?

Логичность есть прежде всего **процесс**, для которого характерно законное следование каждого последующего элемента, момента, стадии, ступени, звена из предыдущего в совершении совершаемого, совершившегося или подлежащего совершению. Это такой процесс в становлении становящегося и в гибели гбнущего, основную особенность которого составляет законная необходимость в плане строгой последовательности в следовании происходящих в нем изменений, где каждый новый элемент, момент, звено, стадия, ступень изменения (развития) законно вытекает из предыдущего, вызывается им и законно приходит ему на смену.

Логичность в процессуальном своем выражении составляет механизм происходящих в нечто изменений по своей внутренней необходимости. Во внешнем же своем проявлении **логичность** есть выражение траектории (пути) происходящих в нечто необходимых изменений с известной закономерной необходимостью.

Думается, что совокупность этих признаков логичности составляет имманентное содержание феномена логики. И тогда отсюда основные проблемы логики вообще, той общей логики, которая по отношению к известным нам логикам составит родовое их понятие, для начала могут быть сведены к проблемам диалектики возможности и действительности, необходимости и случайности, и исторического и логического, в которые соответствующим образом будут вплетаться известные и еще не известные нам законы и категории диалектики в том специфическом своем срезе, в котором они составляют выражение **закономерно необходимой последовательности** в движении, изменении и развитии сущего. Последние в процессе исследования, безусловно, будут обогащаться и пополняться все новыми и новыми законами и категориями. Естественно, что разработка этих кардинальных проблем будет способствовать не только расширению самой проблематики подобной логики, но и их организации в

соответствующую структурную целостность. При этом в исследовании проблем как общей логики, так и логик видовых ее разновидностей важно с самого начала осмыслить и постоянно помнить, что последние составляют частные случаи первой, и они находятся с первой в отношениях категории всеобщего, особенного и единичного, чтобы именно в этом русле и шли все поиски и решения проблем.

Преимущества такой постановки вопроса, во-первых, в том, что она в целом (правда, может, с некоторой перегруппировкой), сохраняя самостоятельность существования почти всех известных нам логик (и не препятствуя возникновению новых), в то же время в значительной мере будет способствовать конкретизации предмета каждой из этих логик, а через нее и шлифовке их проблематики, поскольку при определении предмета и проблем искомой логики многие из тех вопросов, которыми вынуждены при нынешней ситуации заниматься все логики, естественно, отойдут к этой логике как к родовой, и в остальных их место займут другие (специфические для каждой логики) проблемы. Так, в традиционном понимании логики ее предмет составляют **формы и законы** мышления. Но, видимо, уже древние греки чувствовали (а затем на это обстоятельство обратил серьезное внимание и Гегель) неполную законность говорить о них столь интегрально. Возникновение таких понятий, как «органон» и «канон» – явное свидетельство этому. При этом, может быть, есть прямой смысл вернуться к этим понятиям, возродив их на новой основе, имея в виду в органоне (орудии) формы мышления, в каноне (законе) – законы мышления. По нашему убеждению, это даст хотя бы такие положительные всходы, что может избавить нас от поисков каких-то особых, диалектических и недиалектических понятий, суждений и умозаключений, которые, к тому же, должны быть отведены в компетенцию разных наук: диалектические – диалектической логики, недиалектические – формальной логики¹⁸. А между тем кто исследовал и сколько-

18В компетенции сторонников подобного деления подкупает то обстоятельство, что познавательные способности человека, подобно любому другому явлению в мире, находятся тоже в движении и развитии. И если это так, то в чем же это выразилось, если не в этой установке? Логически постановка вопроса вполне резонна. Но нет фактического материала, дающего основание утверждать, что современное научное мышление по своим мыслительным

нибудь научно установил, что если даже подобные существуют (что весьма сомнительно), то почему их не в состоянии изучать одна наука?

Анализ диалектических и недиалектических рассуждений (произведений) убеждает в том, что они различаются не по **архитектонике** понятий, суждений, умозаключений, а по конкретному их содержанию, прежде всего по их истинности. К тому же в изучении форм мышления, видимо, существенное упущение составляет игнорирование необходимости исследования вопроса о том, не создается ли нечто новое (по отношению к каждому умозаключению в отдельности) в том случае, когда умозаключения выливаются в некоторое целостное рассуждение, поскольку в этом случае они создают отношения целого и части; а давно установлено, что целое не сводимо к простой совокупности своих частей; что сами части по-разному ведут себя в структурной целостности и отдельно. В этом отношении заслуживает внимания утверждение Уэтли о том, что «ошибочное рассуждение, которое, будучи выражено просто, в немногих предложениях, не обмануло бы даже ребенка, может обмануть половину света, если его развить в целом томе «in quarto»¹⁹.

Можно найти и другие преимущества означенной постановки вопроса, многие из которых обнаружатся еще в процессе решения самого вопроса, но, думается, что и уже отмеченные заслуживают того, чтобы этим вопросом занялись вплотную. К тому же необходимость неотлагательного исследования искомой логики диктуется и общенаучной задачей определения всеобщих законов существования и функционирования Вселенной, задачей, которая все настойчивее и настойчивее стучится в двери научных запросов современности и в решении которой философы могут принять посильное участие прежде всего через исследование данной логики.

способностям отличается столь качественно от научного мышления античных мыслителей. Речь идет не об информациональном материале. По крайней мере, подобное утверждение нуждается в дальнейшем обосновании, в котором особое место должно занять исследование того, каким образом, в каком своем срезе и в какой своей части, как откладываются новые знания на самих наших познавательных способностях. Тем более, что этот вопрос должен быть признан таким центральным вопросом современной логической науки, который требует безотлагательного исследования.

¹⁹Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. М., 1896. С. 285.